

Литература и искусство

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ГАРМОНИЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЕЙ

В конце прошлого года телезрители познакомились с новой работой полюбившейся актрисы Каунасского драматического театра заслуженной артистки Литовской ССР Юрате Онайтите. Это была достаточно скромная по объему роль Ирены Маргвявичюте в четырехсерийном видеофильме «Здесь наш дом» (режиссер С. Восилюс) по трилогии Юозаса Паукштялиса. И все-таки Ирена не затерялась среди других многочисленных действующих лиц эпического повествования.

Хотя роль Ирены и не является этапной работой молодой актрисы, в ней, тем не менее, сфокусировались многие характерные черты своеобразного дарования Ю. Онайтите. Привлекает тонкая поэтичность образа и одновременно — глубокая социально-психологическая мотивировка его противоречий, черты типического: ведь за судьбой Ирены Маргвявичюте нетрудно угадать десятки схожих судеб. А главное — при всех своих противоречиях образ удивительно целостен. Это таинственное умение актрисы ткать единство человеческой натуры из, казалось бы, взаимоисключающих начал свойственно и другим ее ролям, сыгранным в кино, на телевидении или театральной сцене.

Вспомнить хотя бы Женщину из недавнего фильма режиссера А. Пуйпы «Женщина и четверо ее мужчин» или Анну из телевизионного спектакля по пьесе Леонгарда Франка «Карл и Анна». Подходя к этим образам с традиционными бытовыми мерками, можно ошибочно допустить, будто их

доминанта — женская неверность: женщина, похоронив утонувшего мужа, как бы переходит из рук в руки братьев в рыбацкой семье; Анна не дождалась возвращения мужа с фронта первой мировой войны, одарила чувством его фронтового товарища... Формально все это так, и все же такая оценка — явное упрощение. Ибо оба произведения — в большой мере благодаря таланту исполнительницы — звучат почти как гимны именно женской верности, умению женщины выстоять в труднейших условиях, жертвовать собой во имя сохранения рода, во имя подлинной верности себе.

Воплотив в себе обобщенные художественные формы, образ Женщины, с предельной естественностью существующий на экране, стал большим событием в нашем кино. Официально это узаконил приз за лучшее исполнение женской роли, которого Ю. Онайтите была удостоена на прошлогоднем, XVII Всесоюзном кинофестивале в Киеве. Вскоре, к празднику Дня советского кино, ей было присуждено почетное звание заслуженной артистки республики.

Хотя — будем смотреть правде в глаза — на первых порах Юрате в кино не везло. На сцене каунасского театра она запомнилась с самых ранних своих опытов, скажем, с неумолимой максималисткой Анаиты («Колыбельная», З. Халапьяна в постановке И. Вайткус). Бережно к молодой актрисе отнеслось и наше телевидение, где она успешно играла Пиле в видеофильме В. Бачюлиса по роману

Ю. Паукштялиса «Соседи», Аниту в сериале «Рай красного дерева» (по роману В. Сириоса-Гиры, режиссер Б. Талачка). А вот кинематограф долгое время не мог найти для актрисы достойную роль — уж слишком она была нестандартна! Правда, Ю. Онайтите играла главную роль в довольно неудачной киноновелле Э. Зубавичюса «Любовь... Штрихом времени», создала драматический, но пунктирный из-за драматургического «урезывания» образ Джин в фильме А. Жебрюнаса по роману И. Шоу «Богач, бедняк...», эпизодический образ дочки в картине «Медовый месяц в Америке» (художественный руководитель М. Гедрис, режиссер по монтажу А. Грикявичюс), но все это были «пробы пера», мало соответствующие масштабу дарования.

Ко времени появления фильма «Женщина и четверо ее мужчин» подлинный талант этой актрисы, к счастью, уже был достаточно выявлен спектаклями И. Вайткус и Г. Падегимаса, позволившими актрисе почти с первых же ее шагов на сцене не прозябать в спектаклях-однодневках, а встретиться с высокой, активизирующей мысль и чувства классикой — М. Горьким, Г. Ибсеном, А. Стриндбергом, В. Креве.

В галерею театральных героинь Ю. Онайтите, как правило, преобладают необычайно интенсивные краски (на экране же — возможно, в силу его большего правдоподобия — выразительные средства актрисой как раз чуть приглушены). Иногда это

идет от воинствующей эгоистичности, свойственной ее молодым героиням. Вспоминаются в этом плане сыгранные Текле из «Кредиторов» А. Стриндберга (режиссер Г. Падегимас), с каким-то самовозбуждающим упоением подчиняющая себе мужские судьбы, Хильда из «Строителя Сольнеса» Г. Ибсена (режиссер И. Вайткус), хищная муза главного героя, появляющаяся на авансцене в ореоле луча, высвечивающего ее молодую красоту.

Интенсивностью внутреннего развития образа отличались, скажем, такие театральные работы Ю. Онайтите, как Вера в «Последних» М. Горького (режиссер И. Вайткус) и Эмили («Наш городок», американского драматурга Т. Уайлдера в постановке Г. Падегимаса). Своеобразная трактовка М. Горького, очевидно, наиболее приближающаяся к тому, что мы подразумеваем под жанром трагического гротеска, потребовала и от актрисы остроты выразительных средств, не растушевки, а даже некоторой безжалостности в обрисовке персонажа.

А вот Эмили в «Нашем городке», переживающая трепет первого пробуждающегося чувства, уходящая из этой жизни совсем молодой и на минуту в нее возвращающаяся — только для того, чтобы трагически ужаснуться: господи, ведь мы даже не слышим друг друга! — персонаж уже совсем другого плана. Может быть, это просто совпадение, а может, для актрисы наступила пора такой человеческой зрелости, что доминантой ее последних по

времени создания образов становится отнюдь не агрессивность, а некая выстраданная мудрость.

Ю. Онайтите — из тех актрис, для которых первостепенное значение имеет пластика, выразительность сценического движения. В поисках пластических решений, которые были бы в состоянии выразить, к примеру, смятенную душу героини «Кредиторов», актриса обращалась к опыту экспрессионистской живописи и создавала парадоксально цельный образ из резких перепадов, шокирующие неожиданных движений, свойственных полотнам Э. Мунка. На смену этим оригинальным поискам пришло стремление к внутренней и внешней гармонии, вечную тайну женственности скрывает уже не изломанный рисунок роли, а спокойная, неспешная грация.

Художественный поиск продолжается, ибо Ю. Онайтите не из тех актрис, которым свойственно «фиксирование» достигнутого. Очень любопытно, что покажет завтрашний день. И как сложится ее биография в театре и в кино, какое будет соотношение между этими, по выражению самой Онайтите, «двумя разными мирами». Впрочем, может быть, сегодня Юрате уже так больше не считает? Как бы там ни было, нынешнему поколению зрителей повезло, что оно присутствовало при рождении самобытной актрисы, чей дар распространяет неизъяснимую магию, всегда свойственную только большому, настоящему искусству.

С. МАЦАЙТИС.